

**Можайский Лужецкий монастырь
в первое десятилетие Советской власти (1918–1926 гг.).**

По документам ЦГАМО

Первое десятилетие Советской власти – один из трагических периодов в истории Лужецкого монастыря. Для исследователей он, безусловно, представляет интерес, т.к. малоизучен.

В Центральном Государственном Архиве Московской Области выявлены некоторые материалы по этому отрезку времени. Документы разбросаны по разным фондам. Пока найдено, ранее не публиковавшихся, 10 документов из 3-х фондов, среди которых и «Личный архив В.И. Горохова» (в нем содержится 5 документов, непосредственно касающихся истории Лужецкого монастыря).

Валентин Иванович Горохов – историк, член Можайского Общества Краеведения – оставил после себя большой архив (в основном рукописи). В него вошли и выписки из «тетрадей» Николая Ивановича Власьева, чье имя долгое время находилось в забвении. В 1938 г. он был репрессирован, реабилитирован в 1964 г. Николай Иванович Власьев, как секретарь Можайского Общества Краеведения, принимал непосредственное участие в судьбе Лужецкой обители в 1920–30-е гг. Часть работ по краеведению В.И. Горохова и Н.И. Власьева публиковалась, но сведений о Лужецком монастыре в последние годы существования обители в них практически нет.

Обзор должно начать с дела из фонда «Моссосовета», где содержится «Договор о передаче церковного имущества группам верующих граждан. 1919 г.» (документ не публиковался)¹.

Договор между группой граждан города Можайска и окрестных селений (всего 48 человек) с Можайским советом Рабочих и Крестьянских депутатов о передаче в бесплатное, бессрочное

пользование находящегося в Лужецком монастыре богослужебного имущества и богослужебных заведений был подписан 3 января 1919 г. В поле зрения составителей документа попало не только богослужебное имущество, но даже и то, что находилось на монастырской кухне, каретном дворе, столярной и т.д. Все это «народное достояние» было передано гражданам на определенных условиях. Они обязались: *«...пользоваться им исключительно по его назначению, принимая на себя всю ответственность за ценность и сохранность врученного (нам) имущества; ...храмы и богослужебные предметы предоставлять в пользование всем (нашим) единоверцам, исключительно для удовлетворения религиозных потребностей»*. Обязались: *«не допускать: политических собраний враждебного Советской Власти направления; произношения враждебных проповедей и речей... »* и т.д.²

В обязанности верующим вменялось также: *«из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию монастыря, как-то: по ремонту, отоплению, страхованию, по оплате долгов, налогов, местных обложений и т.п.»*³, хотя большую часть территории и монастырских помещений в то время (уже с 1918 г.) занимали красноармейцы (Караульная рота).

В качестве приложений к договору имеются: опись церквей и церковного имущества монастыря; опись инвентарного имущества монастыря; ведомость о недвижимых имуществах, принадлежавших монастырю; ведомость денежных сумм и капиталов монастыря. Документы подписаны заведующим монастырем иеромонахом Иоанникием, председателем Можайского Совета рабочих и Крестьянских депутатов Н.Ф. Зарубиным и остальными членами комиссии (В.Ф. Кузьмин, В.П. Когадеев) и заверены Можайским народным нотариусом (А. Рыбаков).

После внимательного прочтения этих документов можно предположить, что монахов к тому времени оставалось, вероятно, 4–5

человек, т.к. в отведенном им помещении находилось 4 кровати⁴. Монастырская кухня и трапезная, школа, комната учителя, каретный двор, столярная находились уже в пользовании красноармейцев. В кельях размещались представители артиллерийского дивизиона. В гостинице (к югу от монастыря) *«матрацы, одеяла и бельё увезены бывшим лазаретом»*, и в скором времени здесь разместился штаб Караульной роты⁵.

Монастырь все еще имел два дома в Москве на Калужской площади и две дачи в Можайском и Верейском уезде, которые все еще приносили ежегодный доход. У Москвы-реки монастырю принадлежали 7 десятин лугов, а также конный и скотный двор. Мельница была сдана в аренду⁶.

Документ под названием «Община верующих Лужецкого монастыря» датирован 1920 г. Он сообщает, что приходским Советом общины верующих Лужецкого монастыря обеспечивалось поддержание ежедневной службы и исполнение треб; охрана и поддержание монастыря как памятника старины, а также хозяйственные нужды⁷. Но эта видимая стабильность была очень хрупка. Уже находились люди, покушавшиеся пол лозунгом «изъятия ценностей» на монастырскую ризницу. Никаких, правда, конкретных фактов нет, кроме короткой записи под 1922 г. Николая Ивановича Власьева, который, к сожалению, мог только констатировать разрушение и разорение монастыря: *«переплеты с книг 16, 17, 18 веков, находившихся в библиотеке и ризнице, были ободраны вместе с окладами»*⁸.

В деле «Переписка, акты, протоколы комиссии об использовании помещений бывших монастырей» (1924 г.) значится, что в 1924 г. в монастыре *«культ отправляется, монахов нет, но и жилой свободной площади не имеется»*⁹. Монашествующих из обители, по-видимому, вытеснили семьи красноармейцев, которых здесь к тому времени уже селили.

Несогласия между общиной верующих и Караульной ротой чуть было не привели к закрытию монастыря в 1924 г. «Хозяевам новой жизни», конечно же, не нравилось соседство, хотя и с бывшим, но все-таки

монастырем. По их мнению «...существование общины допущено лишь потому, чтобы не обидеть темное забитое религиозное чувство населения...»¹⁰. В Президиум Моссовета стали направляться жалобы от военных на общину верующих и просьбы о ее закрытии.

Вот как объяснялась причина подобных просьб: «...отправление религиозной общиной в церкви бывшего Лужецкого монастыря, находящейся в стенах расположения Кар. роты, своих религиозных обрядов служения, сопровождающиеся иногда крестным ходом и постоянным колокольным звоном, вызывают крайнее неудобство и дальнейшую недопустимость такого сожительства в одной и той же ограде враждебных по жизни и духу времени красноармейской части и религиозного культа, каковое совмещение, несомненно, отражается на культурно – просветительном воспитании красноармейской части»¹¹. Ненужность обители виделась и в том, что: «Очаг религиозного культа обслуживает нужды верующих одной лишь небольшой деревни Тихоново, которая раньше находилась в Ильинской церковной общине, ...каковая с закрытием этой Лужецкой общины может без всяких затруднений обратно перейти в Ильинскую общину... Дальнейшее существование общины, как бесприходной и при изобилии церквей в городе, является совершенно бесцельным»¹². Управление Делами Президиума Моссовета ходатайство о ликвидации общины отклонило («за недостаточностью мотивов»¹³) и совсем не надолго продлило его существование. Об этом мы узнаём из «Переписки с Можайским Уисполкомом по делу ликвидации религиозной общины в бывшем Лужецком монастыре» (1924 г.)¹⁴.

Н.И. Власьев пишет, что, не добившись, таким образом, никаких результатов, воинская часть пошла другим путем, возбудив ходатайство перед Главнаукой о передаче им помещения ризницы, библиотеки и церкви Преображения, «сохранив помещение этой церкви как памятник старины». С 1924 г. восточная часть Введенской церкви уже была занята военными под

казармы, а иконостас был зашит¹⁵.

Начиная с 1925 г. монастырь посещали комиссии с тем, чтобы решить судьбу имущества из этих помещений. 26 июля 1925 г. *«перед Главнаукой возбуждено новое ходатайство о передаче экспонатов ризницы Лужецкого монастыря Музею местного края...»*¹⁶.

Все это время осмотр помещений проводил Н.И. Власьев, будучи заведующим Обществом Краеведения. Ближился 1926 г. и с ним 500-летие блаженной кончины основателя монастыря. Благодаря Николаю Ивановичу мы знаем, что обитель к этой дате готовилась: *«...На монастырском Соборе (Рождества Пресвятой Богородицы – Е.С.) к дню 500-летия Преподобного Ферапонта красят медянкою крыши, – писал он, – а в церкви Ферапонта монахи Спасо-Бородинского монастыря к тому же дню, 9 июня 1926 года, чистят образа и утварь»*¹⁷. Но одновременно с этим вокруг собора и Ферапонтова храма продолжались бесчинства.

«...Памятники 16 и 17 веков кладбища, белокаменные, частично разбиты на куски Укомхозом 25.05.1926 года для мостовой города вместе с надгробием Савеловской усыпальницы под колокольнею и сложены в штабеля», констатировал Власьев¹⁸.

Из «Переписки с Наркомпросом отдела Главнаука о мерах охраны памятников искусства старины и о разборке церкви Иоакима и Анны в г. Можайске. 1927 год» стало известно, что 2 июня 1926 г. был подписан Акт обследования памятников города Можайска (в том числе и Лужецкого монастыря) представителями Главнауки в присутствии представителей местных учреждений (среди них зав. местным музеем Б.В. Грузинов и зав. Обществом Краеведения Н.И. Власьев). Относительно Лужецкого монастыря были приняты следующие решения:

1. *«Помещение ризницы передать воинской части. Церковное имущество из нее — часть передать общине (а также передать железные двери, ставни, решетки и т.д. для организации нового помещения), а часть*

имущества ризницы, имеющее историко-художественное значение, передать в Местный краеведческий музей.

2. Передать помещения надвратной церкви (Преображенской) воинской части не под жилье и с условием сохранения иконостаса, ремонтом ворот и здания церкви.

3. Предстоит разборка ветхих служебных построек, примыкающих с восточной стороны ворот к южной стороне монастырской ограды.

4. Должны быть отремонтированы: монастырская стена, все здания, в которых расквартирована воинская часть; предстоит расчистка территории от бурьяна (в том числе и кладбища). После этого ...ликвидация памятников кладбища может быть допущена только после тщательного пересмотра всех памятников и выделения из них имеющих историческое или художественное значение»¹⁹.

Судя по всему, ни один надгробный камень не удостоился чести быть памятником! «4 декабря 1926 года вышло постановление Уездного Исполнительного Комитета об очищении кладбища бывшего Лужецкого монастыря с 15 декабря. Что-то ждет древнейшие надгробия?!»²⁰, – сокрушался Н.И. Власьев.

Чуть раньше, 8 августа 1926 г. церковь Преображения передается Красной Армии. 15 августа Н.И. Власьев вместе с заведующим Музеем местного края Б.В. Грузиновым производил отбор уже считавшихся музейными вещей бывшего Лужецкого монастыря и его архива. По просьбе общины, ей было оставлено для церковного обихода одно Евангелие (1639–1655 гг.) в бархате с окладом²¹.

В 1925–1926 гг. часть имущества из ризницы и библиотеки монастыря была вывезена заведующим Воскресенским (Истринским) музеем Н.А. Шнеерсоном. Н.И. Власьев считал этот вывоз «грабежом». 24 сентября 1926 г. он послал в Главнауку прошение о возвращении 33-х музейных предметов, вывезенных Н.А. Шнеерсоном. По-видимому, ответа он так и

не получил. Часть вещей из монастырской ризницы в настоящее время находится в музее «Нового Иерусалима»²².

На этом обзор выявленных документов ЦГАМО по Лужецкому монастырю можно закончить. Хотя не исключено, что фонды архива еще таят в себе интересующие нас документы.

Наиболее полную картину рассматриваемого периода помогают составить воспоминания местных жителей. Но в данном случае это не является целью сообщения.

Достаточно и того, что мы поняли: первое (неполное) десятилетие советской власти было для обители преподобного Ферапонта временем постоянной борьбы за существование.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 3. Л. 57.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 75.

⁵ Там же. Л. 76.

⁶ Там же. Л. 77.

⁷ ЦГАМО. Ф. 6725. Оп. 1. Д. 98. Л. 14.

⁸ ЦГАМО. Ф. 2402. Оп. 1. Д. 15. Л. 175.

⁹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 864. Л. 49.

¹⁰ Там же. Д. 976. Л.11.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 12.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ ЦГАМО. Ф. 2402. Оп. 1. Д. 15. Л. 180.

¹⁶ Там же. Л. 179.

¹⁷ Там же. Л. 181.

¹⁸ Там же. Л. 180.

¹⁹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 485. Л. 10–11.

²⁰ ЦГАМО. Ф. 2402. Оп. 1. Д. 15. Л. 182.

²¹ Там же. Л. 182.

²² Там же. Л. 181.